

Поэтическая брошюра Марии Затонской, выпущенная издательством «СТИХИ», в серии «Сингл», продолжает развивать ключевые темы книги «Дом с птицами». Мир автора узнаваем и самобытен, и в нём по-прежнему доминирует идея человека как меры всех вещей, средоточия духовных ценностей. В сущности, никого, кроме человека, его бессмертно-смертной природы, в поэзии Затонской нет, его присутствие ощущается во всём, заполняет собой атмосферу. «Я – это лица, в которые взглядывалась», – позиционирует себя автор с самой первой строки книги. Уже здесь заданы основные «параметры» лирической героини – она мистический наблюдатель, несущий на себе духовные отпечатки чужих жизней, осознающий, что и сам является чьим-то отпечатком. Человек, явленный в человеке, сохранённый в нём как нечто уникальное, неповторимое – главная тема и ключевой тезис «Миниатюр».

Автор пристально, в упор, смотрит в лица случайных прохожих, как будто не видя их физической оболочки, изымая из неё экзистенциальное содержание. Это особое созерцание жизни – «из тех пределов», где земная система ценностей не имеет уже никакого значения:

*женщина тонкая тащит свой чемодан,
пухлые губы, глаза раскосые,
такая привычная для кого-то,
что не различить черты.
И всё-таки было, было:
снег летит, свет падает на одеяло.
Наверное, так только мать на неё смотрела <...>*

Прозревание вечного в сиюминутном, сакрального в повседневном, исключительного в обыденном – таков вектор авторской «человечности», способной «различить черту», скрытые от окружающих, увидеть духовную ипостась даже в самом непритязательном внешнем облике случайного человека.

Все стихи «Миниатюр» – облачённые в форму верлибра коротенькие зарисовки из реальной жизни, нередко из прошлого лирической героини Затонской. Значимо то, что картинка, нередко вполне заурядная, внезапно становится масштабной и объёмной, как будто на заднем плане сцены открываются внутренние кулисы. Зритель вслед за автором попадает в зазеркалье, наблюдая, как материальный мир преобразуется в пространство универсальных значений. Достаточно мельчайшей детали – какой-нибудь ветки сирени над лысой головой техника Ивана Петровича. И вот он уже не техник, а часть мироздания, мельчайший атом ускользающего мгновения, в котором он обессмертил своё существование:

*Техник из ЖЭКа Иван Петрович
слушал апрельских птиц
от дома к дому,
снял показания счётчиков,
топтался в луже в резиновых сапогах,
изучал отражение:
синий бушлатик, чистый такой,
чёрная шапка на лысине, вот
скоро сирень над головой
расцветёт.*

Амбивалентность бытия и диалогичность – ещё две важные характеризующие черты творчества Марии Затонской. В «Миниатюрах» она не просто открыта для разговора с читателем – она вступает в своеобразную полемику с самой собой, сравнивая себя прежнюю и нынешнюю:

*У Маши из девяностых
юбка жёлтая, в пёстрые васильки.
Качели подбрасывают колени,
дедушка охает: «высоко летаешь»
и поправляет кепку.
Она с каждой минутой от меня всё дальше –
уносится на самолёте времени*

Главный онтологический вопрос, на который лирическая героиня пытается ответить в книге – что в ней самой является временным, подверженным тлению, а что сохранится как часть бессмертной, нетленной субстанции? И получается, что старые платья, спитые «из бывшего мужа», «поисков психолога», «странных товарищей», «любownika, о котором и вспоминать неудобно», неизменно устаревают, становятся «не по размеру». «Неужели голый теперь оказаться нужно», – на этот риторический вопрос, как будто брошенный автором в зал, находится ответ. Не просто нужно, а иногда и необходимо, потому что именно тогда в человеке обнажается главное – то, что освобождает его от неизбежных ошибок, временных привязок, ничем не примечательных, одинаковых внутри самой героини «сосудов человеческой жизни». Пусть это главное эфемерно, почти неуловимо, текуче и зыбко, но только оно неподвластно распаду, только в нём человек способен сохранить свой неизменный облик.

Что же это? Что остаётся в нас незримым присутствием другой жизни, и чем мы сами становимся для людей, близких или чужих? Ощущение полёта, «светло-зелёный звон источённых крыльев», «или отзвук какой», или просто внезапная вспышка памяти.

Единственная сила, делающая память долгосрочной, сохраняющая «человека в человеке» – это любовь. В книге Марии Затонской любовь, понимаемая как особое свойство души, делает даже самое хрупкое существование неуязвимым. Поэтому так важно не забыть, не утратить память о том, что действительно дорого:

*Страшно, что я тебя забываю
в шуме дороги нелётной зимней,
в голосе диктора из магнитолы,
иногда только
или отзвук какой напоминает,
или мужик, мнующийся у светофора,
который в зеркале заднего вида
всё отдаляется,
отделяется,
превращается в точку.*

В жанровом отношении поэтические зарисовки Марии Затонской немного напоминают японские хокку – в них та же созерцательность, тот же нарочитый уход от каких бы то ни было умозаключений. Есть только жажда жизни, пристальное вглядывание в неё, озирание «земных окрестностей», за пределами которых – особое пространство, отождествимое разве что с белизной строки. Потому что всё самое интересное происходит там, где начинается слово, строка, творчество – ещё один залог человеческого бессмертия.

В сущности, весь мир – это текст, который нам, осознающим себя неотъемлемой его частью, предстоит читать всю жизнь. Главное – правильно понимать язык ускользающих мгновений, синонимичность которых лишний раз подчёркивает постоянство мира в его изменчивости и становится залогом новой бессмертной строки:

*Пока ускользает мгновение
коварно, в приоткрытую форточку,
чтобы стать скамеечкой, детской площадкой,
слиться с Иван-Иваньчем, семяницейм
за своим внуком и звоном велосипедным, –
издалека крадётс я ещё одно
про травинку, найденную в кудряшках мальчишечьих,
как случайное слово, которым вот-вот начнутся стихи, –
только бы не исчезло,
только бы снова возникло.*